

STUDIA PHILOLOGICA

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Пушкин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Мне четырнадцать лет...

Про ВХУТЕМАС дальше не будет. Я в нём не учился. Не мог ни по возрасту (уже в 1927-м он был переименован во ВХУТЕИН, который в 1930-м расформировали), ни по дарованию. Да и вообще я не цитирую, а констатирую факт.

Мне четырнадцать лет. Сквозь замутнённое сознание доносится: «Вот наворую, мы с тобой такие ликёры будем пить! Ты пил “Шартрез”?» Сашкино лицо качается и расплывается. Но если закрыть один глаз, оно останавливается. «Нет», — говорю. «Будешь, — уверенно говорит Сашка, — вот наворую...» И он подливает в мой и свой стакан меловой, сладкой и невероятно крепкой браги.

На брагу меня позвал сосед Витька. Ему девятнадцать. Брагу варит его бабушка. К Витьке пришли дружбаны — Колян и Сашка. Колян постарше. Ему за двадцать. Сашка с Витькой ровесники. А меня позвал Витька, как ещё одного своего дружбана. Ну, не такого, конечно, как они. Но я помогаю Витьке. Выполняю его поручения. И он это ценит.

Хотя поручения несложные. В основном они касаются Витькиных девок. У Витьки их много. Моя обязанность схватить трубку телефона и спросить, если просят позвать Витьку: «А кто его спрашивает?» И передать трубку Витьке только в том случае, если звонит та, которую он мне назвал. Остальным говорить, что он будет сегодня поздно и что я обязательно передам Витьке, что она ему звонила.

Витька рад такому пособничеству. У него есть постоянная любовница. Её зовут Таня, и она в этом году поступила в медицинский ин-

ститут. Она и звонит чаще всего. И чаще всего мне приходится врать ей. Но она обязательно поздно вечером перезванивает. И будит уже заснувших соседей. Да и Витькину мать — тётю Катю — тоже.

Телефон висит в коридоре. А он у нас небольшой. В него выходят все три комнаты — тётелинина и дядимотина, тётикатина и Витькина, и наша. Дядя Мотя — трамвайный вожатый. Работает через день. Но когда работает, встаёт в шестом часу утра. Гремит чайником в кухне и будит наиболее чутких соседей. А те не выспались, потому что около двенадцати ночи их разбудила Таня. Витька-то схватил трубку и закрылся с ней в уборной. Но что толку? Его, может, и не слышно, но люди-то проснулись.

Дядя Мотя — нет. Когда он не работает, он пьёт. И засыпает рано. Но Ирка с матерью тётей Леной, моя матушка и, как я уже сказал, тётя Катя просыпаются почти всегда. И дядя Лёша, когда он остаётся ночевать с тётей Катей. Ну, дядя Лёша возмущается недолго. Выходит и нажимает на рычаг телефона. И гонит Витьку в комнату. Мать потом рассказывает, какие страшные ругательства шепчет Витьке дядя Лёша. И что она слышит, как бухает тахта в тётикатиной комнате и понимает, что это бухнулся Витька: то ли после того, как дядя Лёша его ударил, то ли после сильного его толчка.

— Ну, что ты звонишь по ночам? — орёт на следующий день в телефон Витька. — Ты соображаешь, что всех будишь?

— И знаешь, — говорит он в трубку, — всё! Пора завязывать! Не звони мне больше! И не ходи! Почему? А ты раскинь своими куриными мозгами, может, поймёшь!

— Ну да, — насмешливо говорила в кухне тётя Лена, слушая Витьку. — Так она его и бросила! Дождись!

Точно. Таня появляется в сопровождении Витьки через несколько дней. Они запираются в его комнате. Здесь всем звонившим Витьке девкам я говорю просто: «Его нет». А если спрашивают, не знаю ли я, когда он будет, отвечаю: «Не знаю».

Что они в нём находили? Вообще-то он был миловидным парнем. Слегка похожим на артиста Николая Рыбникова. Но держался с ними нагло. «Течёшь? — переспрашивал он ту, которой звонил. — Ну и иди тогда на...» И вешал трубку.

Послав эту, тут же звонил другой: «Ну что? — спрашивал. — Побалуемся? Есть настроение? Тогда жду, не опаздывай!»

— «Шартрез» — это для баб, — говорит Колян, — сладкий больно.

— А что мы сейчас пьём? — спрашивает Сашка. — Горькую?

— Сравнил, — усмехается Колян, — ты по крепости сравнивай. Здесь 60, не меньше, а в «Шартрезе» и 30 не будет.

— Да какие там 60! — возражает Сашка. — Вон, — он показывает на меня, — паренёк пьёт и ему хоть бы хны.

Да нет! Я уже не могу больше сдерживать тошноту, подступающую к горлу, и пулей выскакиваю в уборную. Она, слава Богу, не занята. Но блевать я начинаю по дороге.

— Зачем ты Геньку спаиваешь? — спрашивает тётя Лена Витьку, который выскочил и смотрит, как она помогает мне замывать следы. — Нашёл себе дружка, — усмехается тётя Лена, — от горшка два вершка!

— А ты не умеешь пить — не пей! — напускается она на меня.

— Привыкнет! — возглашает Витька. — Все так начинают.

— Как ты? — спрашивает он меня. — Выпьешь ещё? Или хочешь полежать? Пойдём, — зовёт он в свою комнату. — У меня полежи. Оклемаешься, пока твои не пришли.

Я забыл сказать, что пил я сейчас первый раз в жизни. Один раз, когда был поменьше, хлебнул из бутылки оставшегося от гостей портвейна «Хирса», и мне он не понравился. А отец, кроме «Хирсы», дома ничего не пил. То есть один он вообще ничего не пил. Покупал «Хирсу» для гостей. Мать не пила никакого вина. Наливала себе в рюмку компоту, чокаясь с гостями. Да и не так уж часто к нам приходили гости. Кажется, по разу в год на какой-нибудь праздник. Дядя Миша, старший брат отца, с женой. Или тётя Лиза, материнская тётка, у которой после ранней смерти её сестры — матери мамы — мама жила до замужества. Тётя Лиза тоже приходила не одна, но с мужем. Причём гости приходили не вместе, а порознь. Мне даже кажется, что дядя Миша никогда не видел тётю Лизу. Так что можно себе представить, как пили с отцом гости-мужчины — дядя Миша или тёткилин муж, если после их ухода в пол-литровой бутылке оставалось вина совсем не на доньшке.

Другое дело, когда мы к кому-нибудь из них приходили в гости. Дядя Миша и его жена с дочкой жили в двух больших комнатах в общей квартире, которые дал им институт, где оба работали старшими научными сотрудниками (оба были кандидатами химических наук). У них была приходящая домработница Полина, которая пекла вкуснейшие маленькие мясные пирожки к бульону. И вино на столе стояло с маркой «Массандра», которое было дороже «Хирсы» чуть ли не в два раза. Я любил ходить по магазинам, разглядывать цены.

«Хирса» стоила рубль 32 копейки, а «массандровские» вина начинались от 2 рублей 60. Ну, а у тёти Лизы на столе стояло несколько бутылок — «Шампанское», коньяки «Арарат» и «Самтрест», бутылка-две «Массандры», но ещё и «Напареули», и «Саперави», и непременно бутылка водки.

Тётя Лиза работала надомной машинисткой, а муж её был руководителем артели, которая заключала договоры с театрами на разного рода ремонтные работы. То есть был частником, которому завидовали и мать и отец: «Как сыр в масле катается!» Материнских родственников в Москве было больше отцовских. Да что сравнивать? У отца родни было больше, но в Москве жил один дядя Миша. А материнские родственники почти все жили в Москве. Тётя Лиза была очень гостеприимна. Так что за её столом сидело немало родни и её, и мужа.

Но, конечно, и дяде Мише, и тете Лизе и в голову не приходило налить мне вина.

— Ну что? — встречает меня Сашка. — Оклемался? А я-то думал, ты боец.

— Будет, — говорит Витька. — Вот полежит немного и будет.

Но лежу я совсем немного: снова чувствую позывы и бегу в уборную.

— Полегчало? — спрашивает Витька, когда я возвращаюсь. — Ну, полежи ещё.

Мать, воспитательница детского сада, работала сегодня во вторую смену. Ясно, что, если б работала в первую, меня б Витька не позвал. Приводила мать моего младшего брата Алика, который ходил в старшую группу детсада. А отец, начальник цеха завода пишущих машин, приходил с работы, усаживался на диван с газетой, которая довольно быстро выпадала у него из рук, — он засыпал. И просыпался с приходом матери.

Так что в любом случае лежать мне нужно было на Витькиной тахте. Ведь спал я у себя на том самом диване, где располагался отец. Они с матерью спали на полуторной кровати, которая стояла у противоположенной стены — через стол от меня. А чтобы положить Алика на раскладушку, стол задвигали к окну. И раскладушка почти запирала собой входную дверь. Места в комнате было мало. Да и откуда бы ему быть на 11 с половиной квадратных метров. Это у тёти Лены и тёти Кати комнаты были просторные: 20 метров у тёти Лены и 18,5 — у тёти Кати.

— Да брось ты лежать, — говорит мне Сашка. — Иди сюда, выпьем ещё.

Нет, пить я больше не могу. Но Сашкино лицо не качается и не расплывается. Меня тянет на улицу продышаться. Да и прийти я теперь должен только после матери с отцом. Иначе они узнают про пьянку у Витьки. А в тётё Лене я уверен: она им не скажет.

— Ну, давай пять, — говорит мне Сашка, когда я, одетый, снова вошёл в комнату попрощаться. Я жму руку всем троим. «Не дрейфь», — говорит мне Колян. ««Шатрез» за мной, — это Сашка. — Вот навою», — сладко улыбается он.

Я выхожу на улицу. Стараюсь ступать твёрдо, хотя внутри меня трясёт. Иду на Даниловский сквер (Серпуховской вал). Сажусь на лавочку недалеко от выхода на 5-й Рощинский проезд. Но так, чтобы я видел идущих через сквер, а меня б не видели. С 5-го Рощинского сквер будет переходить мать с Аликом, возвращаясь из детского сада. Снова чувствую рвотные позывы. Ох, как это некстати! Сквер неширокий и довольно людной, спрятаться некуда. Прячу голову за спинку скамейки. И тут же меня выворачивает. Поднимаю голову с трудом. Глаза в слезах. Сквозь слёзы вижу, что кто-то стоит передо мной. Вытираю глаза: генерал. Их здесь много ходит по скверу, он одним своим концом выводит на Донской проезд, где находится Высшая военная академия имени Ворошилова.

— Тебе плохо? — спрашивает меня генерал.

— Отравился, — отвечаю.

— Чем тебе помочь? — спрашивает генерал. — Может, домой проводить? Ты далеко живёшь?

— Нет, — говорю, — рядом. Спасибо большое, я дойду.

Генерал ушёл, а мне безумно хочется спать. Зря я ушёл от Витьки. Нет, не зря. Тётя Катя пришла бы с работы, куда бы я делся? Тётя Катя работает в пивной палатке недалеко от проходной завода имени Сталина. «Золотое дно», — завидуют ей мои родители. Мать с тётёй Катей едва здороваются. Из-за дяди Лёши, у которого есть семья.

Он и приходит к тётё Кате не каждый день, а когда дежурит в своём милицейском управлении — раза три-четыре в неделю. Он майор, а его управление проверяет пивные точки. Так что дядя Лёша и тётя Катя ещё и деловые партнёры.

До тётё Кати в её комнате жила тётя Нюра с дочкой Ниной. Тётя Нюра работала уборщицей в кремлёвском буфете, и у меня сохрани-

лась фотокарточка, на обратной стороне которой маминой рукой написано: «Ёлка в Кремле». Это тётя Нюра каким-то образом раздобыла для меня билет на ёлку для детей кремлёвских сотрудников. Для обычных граждан Кремль при Сталине был закрыт. Хорошо помню, что впустили нас троих — тётю Нюру, Нину и меня, долго осматривая, изучая наши билеты и переговариваясь с кем-то по телефону. А потом мы шли по дорожке сквозь частокол солдат, и моё приподнятое праздничное настроение почти улетучилось, когда я смотрел на хмурые, посиневшие от мороза лица. Правда, на ёлке было весело, и подарок приятно оттягивал руку, когда мы шли назад. Но новое созерцание не улыбающихся, иззябших лиц опять поубавило радости и веселья. Помню ещё, что нам с Ниной хотелось подойти к мощным экспонатам, которые стояли на площади, — к Царь-пушке, к Царь-колоколу, но солдаты нас к ним не пропустили: сходить со специально отведённой для идущих на ёлку или с ёлки дорожки не полагалось.

А уже после смерти Сталина, совсем недавно, тётя Нюра обменяла свою комнату на тёткиатину, которая была, как и наша, самой маленькой в трёхкомнатной квартире 5-го корпуса. Въехав к нам, тётя Катя оплатила тёте Нюре переезд и дала ещё какую-то сумму — компенсацию за потерю в метраже. Потеря была значительной — целых семь метров, но тётя Нюра очень нуждалась в деньгах, а у тётки Кати они имелись. В нашей комнате и в комнате тётки Лены висело на стене по одинаковому небольшому коврику: тётя Лена и мать в своё время вместе купили по одному такому в Даниловском универмаге. А тётя Катя положила огромный ковёр на пол, да другим покрыла двухспальную тахту, да над Витькиным диванчиком повесила большой тканый ковёр-репродукцию шишкинских медведей. Не говорю уже о дорогой мебели, предмете зависти двух соседок — тётки Лены и матери.

Тётя Катя объяснила всем соседям, почему дядя Лёша не может на ней жениться. Он коммунист, и развод помешает его карьере, парткомы не одобряют разводы членов партии. А подполковником, по подсчётам дяди Лёши, он должен стать очень скоро. Разведётся — и задержат его продвижение по службе. Но мать такое объяснение не приняла. Её возмущал, как она его называла, «этот разврат».

Оказывается, я всё-таки заснул. Просыпаюсь оттого, что меня сильно трясут за плечо. Открываю глаза — милиционер: «Чего спишь?

Бездомный? Адрес?» Называю адрес. «Ну, так и иди домой. Спать на скверах не положено».

Иду домой. Темно. Надо пройти три больших двора. А там на каждый двор — по маленькой лампочке. Вот навстречу идут двое.

— Закурить не будет?

— Не курю, — отвечаю.

— А деньги есть?

— Нет, — говорю.

— А проверим.

И от сильного толчка в грудь я лечу на землю. Причём не просто падаю, но натыкаюсь на что-то и переворачиваюсь через голову. Но сзади слышу топот убегающих ног.

Мне протягивают руку, помогают подняться. Да это ж Колян.

— Удрал сволочь, — говорит он мне, — но я его запомнил. Найду — покойником будет.

Их было не двое, а трое, объясняют мне. Третий подкрался сзади и присел, через него я и перекатился. А двое — вот они. Сашка держит обоих за вывернутые руки.

— Ну что? — спрашивает Колян. — Сам с ними разберёшься или мне доверишь?

— Ну как мне с ними разбираться? — говорю.

— А вот так, — объясняет Колян. И сильно бьёт одного и другого в живот.

Сашка отпускает руки. Оба валятся. Сашка присаживается на корточки и быстро их обыскивает. Поднимается. В его руках две финки.

— С перьями ходим? — Колян берёт в руки одну. — Ну что, Генька, напишем у этого на лбу твоё имя, чтобы навсегда запомнил? Или уж у обоих, чтобы никому обидно не было?

— Не надо! — в ужасе вырывается у меня.

— Ну, не надо, так не надо, — соглашается Колян. — Жалостливый ты, — говорит он мне. — Они бы тебя не пожалели.

И он с силой бьёт ногой в бок одному из лежащих. Другого с такой же силой бьёт ногой Сашка.

— Полежите, — говорит им Колян, — отдохните. Мы сейчас вернёмся. Вот только проводим дружбана.

И они ведут меня ещё через один двор, к нашему подъезду.

— Рощинские? — спрашивает Сашка Коляна.

— Они, — отвечает Колян. — Кто же ещё втроем пойдёт на пацана? Ладно, скажу Буру, пусть он проведёт дознание.

Бур очень известен в наших домах. Похоже, что его боится даже наш участковый капитан дядя Вася. Я видел, как улыбался дядя Вася Буру, как бережно жал ему руку. И как тот небрежно с ним разговаривал.

Но Коляна Бур уважает. Они вместе сидели. Сколько отсидел Бур, я не знаю. А Колян отсидел, как говорил, свою пятёрку. Жил Бур в одном из Роцинских проездов. Поэтому я понял, о чём говорят Сашка с Коляном.

— Вы что, правда вернётесь? — спрашиваю я.

— Пойдём назад, — говорит Колян, — нам по пути. Но они уже уползли. Проверим, конечно. Добавим, если что!

— Ну, будь, — он жмёт мне руку. — Привыкай. Ты до этого пил когда-нибудь?

— Нет, — честно отвечаю я.

— Я так и понял, — сказал Колян. — Ну, ничего. Все когда-то начинают.

— Да привыкнет он, — улыбается мне Сашка. — Мы с ним ещё «Шартреза» попьем, — и тоже жмёт мне руку.

Я открываю нашу дверь, мышкой проскальзываю в тёмную комнату, стараясь не задеть Алькиной раскладушки. Хмель с меня давно соскочил, и я тихо раздеваюсь и ложусь под одеяло.

Так значит, это были роцинские! Повезло мне с моими дружбаками. Я-то знал, какими лютыми бывали роцинские. Помнил одного роцинского.

Понятно, почему его прозвали Мартышкой. Из-за фамилии. Но Мартынов и в самом деле был похож на обезьяну: оттопыренные уши, низкий лоб, вывернутые губы. Правда, для полного сходства не хватало волосяного покрова, но третьеклассников заставляли стричься наголо.

Мы звали его Мартышкой промежду себя. А в лицо — нет. Боялись не столько его, сколько его дружков, которые подстерегали тебя, вооружённые металлическими прутьями. Мартышка как раз и жил за Серпуховским валом в страшных Роцинских проездах (их было 6), пересечённых такими же страшными 3-мя Роцинскими улицами. Туда редко кто осмеливался ходить. Из стоящих рядом друг с другом деревянных трущоб несло затхлостью. Во дворах играли в карты взрослые и дети, которые, как взрослые, смолили папиросы (от нашего Мартышки несло табачным перегаром). А когда убирали карты и на столе по-

являлась водка, к компании присоединялись женщины, приносявшие какую-нибудь нехитрую закуску: варёную картошку, солёные огурцы и визгливо подпевавшие потом пьяным своим собутыльникам.

Мартышка носил с собой не только перочинный ножик, которым исписывал парту. Однажды его поймали в раздевалке с бритвой. Он успел полоснуть её несколько зимних пальто и затравленно молчал, зло сверкая глазами, когда его спрашивали, зачем он это сделал. Выносить сор из избы дирекция побоялась: инцидент как-то замяли. Но когда через некоторое время чьи-то пальто снова оказались исполосованными, пришлось вызывать милицию.

Однако в детскую колонию Мартышку упекли не за это.

Во дворах нашего Хавско-Шаболовского переулка (теперь он улица Лестева) стояло несколько одинаковых статуй — небольших гипсовых мальчиков Лениных. А подходя к Сиротскому переулку, я шёл в школу мимо ещё одного такого же. Смешно было глядеть на его кудри, неизменно вызывавшие в памяти очень известные тогда строчки:

Когда был Ленин маленький
С курчавой головой,
Он тоже бегал в валенках
И в шубке меховой, —

а гипсовый был в летнем костюмчике и в ботинках.

Это меня и веселило: одев Ленина по-летнему, скульптор-копист словно разоблачил этого поэта, не сообразившего надеть на Ленина зимнюю шапку. А с неприкрытой — пусть даже курчавой, а не лысой — головой по морозу не очень-то побегаешь!

Оказалось, что точно такой же, как у нас, гипсовый Ленин стоит и в жутком дворе Мартышкиного дома. Мартышка с друзьями, забавляясь, закидали статую снежками, а когда металлическими прутьями счищали с неё снег, подъехал милицейский наряд. Ребята разбежались. Милиционеры сумели отловить двух. Один из них был Мартышка. Отколотый нос маленького вождя стоил Мартышке много дороже, чем располосованные бритвой зимние пальто. В школе он больше не появился...

2

А школа наша была необычной. Называлась экспериментально-базовой Академии педагогических наук РСФСР. Директор её входил

в президиум этой академии. А учителя, как правило, были её сотрудниками, научными работниками. В нашем подъезде на третьем этаже жила Наталья Петровна. Ирка, дочка тётки Лены, с ней не то чтобы дружила, но была у Натальи Петровны в гостях, когда та защитила диссертацию. Ирка работала секретарём у Василия Сталина в ВВС Московского военного округа, привыкла к развязным и нагловатым офицерам, поэтому её сместили чопорные гости Натальи Петровны. «Пьют крошечными рюмками, танцуют, не прижимаясь», — рассказывала она на кухне тётке Лене и матери. «А тебе — только бы прижаться к незнакомому мужику!» — ворчливо говорила тётка Лена. «А зачем тогда танцевать!» — удивлялась Ирка. Впрочем, я сейчас не о ней, а о Наталье Петровне.

Она пришла к нам в школу учительницей истории, когда я учился в 5-м классе. И очень насмешила ребят, когда, задав какой-то вопрос и предлагая на него ответить, приветливо сказала обо мне: «Геня скажет». Класс развеселился: «Геня!» В школе я был Геной, Генкой, но родители звали меня «Геней», так же звали меня соседи и во дворе.

А родители совсем не чудили, и имя «Геня» было вовсе не домашним моим именем, наподобие «Пека», «Таша», а самым что ни на есть настоящим. Меня назвали в честь рано (в 34 года) умершей бабушки — материнской матери, которую звали причудливо: двумя именами «Дуся-Геня». И сестра матери Соня тоже назвала свою дочку Женей в честь бабушки. Я ещё, узнав об этом, удивился: почему не Дусей-Евдокией?

Ирка страшно поразилась, узнав, что Наталья Петровна работает у нас учительницей: для чего тогда защищала диссертацию? Но, разговорившись с ней, узнала, что все сотрудники её академической лаборатории (или отдела) работают учителями не по совместительству. Некоторые из них авторы новых учебников, которые должны пройти апробацию (Ирка, конечно, такого слова не произнесла, это я уж от себя, теперешнего, для ясности). Если пройдут у нас (а это определит специальная комиссия академии), пойдут в массовое производство для всех школ. А некоторые сотрудники академии составляли программы по своим предметам и тоже должны были доказать, что их программы лучше прежних. То есть мы были как бы подопытными кроликами.

Я не знаю, как попал в нашу школу Мартышка, но я, отучившись в 1-м классе в 584-й школе, что была в конце Шаболовки напротив трамвайного депо имени Апакова, перешёл в нашу, 545-ю школу не просто

как в ближнюю по месту жительства. Мне предложили сдать экзамены по арифметике и русскому языку.

Вообще на экзамены мне везло. Первый был анекдотичным. Я очень рано научился читать и немедленно записался в библиотеку: своих книг у нас в семье было мало. Тётя, сидевшая на выдаче, сначала не хотела меня записывать: заставляла читать газетный текст, книжный с разными размерами шрифтов и записала только после этой долгой проверки, которая несколько меня не обидела, но, наоборот, настолько воодушевила оказанным доверием, что, когда через несколько лет у меня родился брат, я тут же опрометью бросился сообщать об этом библиотекарше. Помнил, что формуляр требовал сведений о родственниках. В библиотеке меня поздравили с братиком, но попросили прийти, когда я уже буду знать, как его назвали.

А второй экзамен был тот самый при переводе в 545-ю школу.

Обучение тогда было отдельным, и абсолютное большинство мальчишек, учившихся в ней, были детьми военных, в том числе и тех генералов, что занимались в Военной академии имени Ворошилова. Но не только их. В районе Городской и Тульской улиц находились закрытые научно-исследовательские институты — «почтовые ящики», как их тогда называли. Кажется, один из них разрабатывал и изготавливал химическое оружие. Но о нём я узнал позже, когда ездил от завода, на котором работал, на картошку. Вместе с нами ездили и «химики». Они и рассказывали, чем занимаются. А вот о чём я знал точно, так это о лаборатории, которая производила всякое шпионское оборудование. Дело в том, что туда получил направление мамин брат Аркадий, закончивший Пензенский политехнический институт с отличием. А потом его перевели в подмосковное Кучино. Не знаю, вместе ли со всей лабораторией или для организации подобной.

Так вот, таких, как я, принятых в школу по экзамену, было мало. Для обычных детей, живших недалеко от школы, но чьи родители не были связаны с армией или с разведкой, существовала небольшая квота. Вот по ней я и прошёл.

А уже потом сдавал экзамены после окончания каждого класса. Но это уже все сдавали. Их отменили как раз в тот год, когда я кончил школу.

Я вообще в начальной школе был круглым отличником. Мать была недовольна, если я приносил из школы четвёрку. Но четвёрки я получал редко.